

18+

Галина Грановская

04 КИ
ГУ ДВИНА

Галина Грановская

Очки Гудвина

«Издательские решения»

Грановская Г.

Очки Гудвина / Г. Грановская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850015-2

В сборник «Очки Гудвина» вошла повесть с элементами фэнтези и двенадцать рассказов — то, с чего когда-то начиналось литературное творчество автора. Рассказ «Ловушка» — о человеке, всю жизнь копившего часы и минуты в банке времени ради возможности прожить ещё одну жизнь в будущем, «Траурный камень гагат» и «Очки Гудвина» — о покинувших Землю колонистах. Остальные рассказы можно отнести к жанру городского фэнтези, но пересказывать их — неблагодарное дело... Лучше прочитать.

ISBN 978-5-44-850015-2

© Грановская Г.
© Издательские решения

Содержание

Охота	6
1	6
2	13
3	20
4	23
5	25
6	26
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Очки Гудвина

Галина Грановская

© Галина Грановская, 2017

ISBN 978-5-4485-0015-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Охота повесть

1

Василина зашивала дыру на рубашке Ивана-дурака, когда в дверь осторожно постучали. Она подняла голову. Кого принесло в такую рань? К ней мало кто заходил. А если заходил, то исключительно по делу. И раз спектакля сегодня нет, значит, кому-то понадобился какой-то ремонт. Отложив шитьё, она поднялась, проходя мимо зеркала, пригладила волосы и повернула ключ в двери. На пороге, держа в руках большой букет ромашек, стояла Варвара, именуемая на афишах Виолеттой.

– С днём рождения! – пропела, протягивая Василине цветы и перевязанную розовой лентой коробку. – От наших.

От изумления брови Василины поползли на лоб. Откуда народ прознал, что именно сегодня ей, – согласно лежавшему в сумочке паспорту, – стукнуло пятьдесят? А уж то, что на подарок скинулся, было ещё удивительнее. В их коллективе было как-то не принято дарить подарки.

– Спасибо! Неожиданно как... Да ты проходи, – спохватившись, Василина отступила в сторону.

– Не, не могу, – Варвара помотала головой. – Я даже не умывалась ещё. Проснулась и сюда, боялась, что уйдете. Вы ведь встаёте рано.

Это было правдой. Василина обычно поднималась не позже шести.

– Что тут? – кивнула она на коробку.

– Сюрприз! – улыбнулась Варвара. – Посмотрите и узнаете.

Сунув букет под мышку, Василина сдёрнула ленту и приподняла крышку. В коробке лежал коричневый пластмассовый домик с белым циферблатом и дверцей под крышей. Часы. Да ещё с кукушкой! Василину, как многих старых дев, влекло к мистике и всякого рода тайным знаниям. Дома у неё имелась специальная полочка с эзотерической литературой и несколько тетрадок, куда она выписывала из старинных библиотечных фолиантов кое-какие рецепты, заговоры и приметы. Ей было известно, что кукушка у древних славян олицетворяла собой грусть, неустроенность и одиночество, а в китайской поэзии это был символ плача. Ещё она знала, что иероглиф, обозначающий часы, напоминает иероглиф, описывающий смерть. С китайскими иероглифами Василина, конечно, лично знакома не была, но журналу «Мистика» вполне доверяла.

Актёры же кукольного театра от эзотерических знаний были далеки, потому купили то, что сочли подходящим по подходящей цене. Да и выбор товаров в провинциальном универсаме, ясен пень, невелик. Спасибо, что вообще этим озаботились. Закрыв коробку, Василина перевела взгляд на гостью, ещё раз повторила: спасибо и, поколебавшись слегка, добавила:

– Вечером приглашаю всех на ужин. В ресторан.

Она умела быть благодарной.

Варвара-Виолетта вытаращила глаза:

– Всех? В ресторан?

День рождения это, конечно, праздник, тем более, тут юбилей, но по силам ли Василине Лапотковой, носившей, главным образом, самодельные наряды, оплатить ресторанный ужин на тринадцать человек?

– А может, – нерешительно произнесла Варвара, – может, просто купить торт и выпить чаю в номере?

Но Василина жалкое предложение отвергла. «На торт» в номер к ней не придут. А в ресторан, соблазнившись дармовым ужином, кто-нибудь да явится. К тому же, по большому счету, она не столько для них, сколько для себя старается. В самом деле, почему не побаловать себя в честь дня рождения? Тем более, что деньги есть, водились у неё деньги, просто в театре этого никто не знал.

– В семь, в ресторане. Который на углу за гостиницей, – уточнила. – Конечно, те, кому в моей компании скучно, – добавила, – могут не приходиться.

Варвара фыркнула. Чтоб кто-то отказался пожать и выпить на халяву, да ещё когда зарплату задерживают? Ага!

– Будет аншлаги! – Поняв, что всё серьёзно, заторопилась. – Ладно, надо оповестить всех, пока не разбрелись.

Закрыв за девушкой дверь, Василина нацепила на нос очки и вернулась к своей работе. Лишь приведя в порядок рубашку Иванушки, она позволила себе достать из шкафа серое платье «на выход». Давненько она его не одевала, хотя всегда возила с собой. На всякий случай. Приложив его к плечам, придирчиво осмотрела себя в зеркало. К платью претензий не было, а вот подстричься пора, лохмы во все стороны торчат. Сто лет в парикмахерской не была.

Надо же, ещё полчаса назад она и не подозревала, что будет главным действующим лицом в такой интересной пьесе! Конечно, полтинник лучше отмечать в кругу близких. Но по-настоящему близких – как родственников, так и друзей – у неё не водилось. Нет, дома нашлось бы кого пригласить. Соседок, например, и диловатую парочку дальних родичей, живущих у озера на окраине города, давным-давно их не видела... Но то – дома, а юбилей настиг актрису Лапоткову в небольшом провинциальном городке, куда театр выехал на гастроли. Поскольку проводить день рождения в одиночестве плохая примета, она решила, что ближе к вечеру отправится в гостиничный бар посидеть среди народа. Музыку послушать, выпить бокал вина за своё здоровье. И может быть, даже погадать, узнать, что судьба приготовила ей на следующие пятьдесят лет...

Но теперь план на вечер будет другим. Раз уж коллеги её поздравили, Василина Лапоткова в долгу не останется, выставит им угощение. А они, в свою очередь, побалуют её представлением, в центре которого будет она, некрасивая, малозаметная артистка областного кукольного театра по прозвищу Баба-Яга. Все, конечно, вряд ли явятся, но Варвара с парочкой друзей точно будут, значит, уже не придется коротать вечер одной за столиком. А самовлюбленные непризнанные таланты, типа Птахина, могут и не приходиться, они Бабе-Яге малоинтересны.

Но Варвара оказалась права. К семи в просторном и почти пустом зале за сдвинутыми вместе столами у большого окна, затянутого грязноватым капроном, сидели даже те, кто всегда на репетиции опаздывал и на спектакли в последний момент прибегал. Сам Игорь Иванович снисошёл. По-хозяйски разместившись напротив Василины на другом конце стола, он оглядывал уже принесённые закуски и бутылки, и по его лицу видно было, как он доволен. Остальных же его присутствие не слишком радовало. Точнее, совсем не радовало, а наоборот, слегка сковывало. Режиссёра не любили. Но в том, что явился, был и свой плюс, он уже одним своим присутствием не давал культурному мероприятию превратиться в заурядную пьянку. Кроме того, на тусовках он обычно брал на себя роль тамады. Не изменил своей привычке и сегодня. Когда бокалы были наполнены, приподнялся и, взглянув на виновницу торжества, произнёс низким звучным голосом, который так нравился молодым актрисам до первого разбора полётов:

– Желаю прожить ещё три раза по столько же! Надеюсь, вы и дальше будете радовать нас своими маленькими шедеврами!

За столом кто-то закашлялся, маскируя невольно вырвавшийся смешок. С чего это он вдруг таким пожеланием разродился, читался в глазах немой вопрос, и о каких шедеврах, пусть и маленьких, вдруг заговорил? Всем было известно, что режиссёр Лапоткову в качестве артистки в грош не ставил. Большая часть присутствующих имела возможность наблюдать, как перед самым отъездом на гастроли он в очередной раз демонстрировал своё презрительное к ней отношение. Речь зашла о новом спектакле и Лапоткова робко поинтересовалась, не найдется ли там роли и для неё? На что Игорь Иванович громогласно возвестил, что она уже достигла пика своих возможностей в качестве Бабы-Яги. Вроде бы пошутил, но при этом ясно дал понять, что ничего ей опять не светит. Впрочем, это ещё он мягко ответил. Возраст всё же служил Бабе-Яге некой защитой, с другими он вообще не церемонился и в выражениях не стеснялся, если что-то было ему не по вкусу.

– Что бы мы делали без ваших замечательных кукол! – завершил режиссёр свой тост после эффектной паузы. И всем ясно стало, что он специально её выдерживал, стервец: пусть старушка попереживает.

Кто-то торопливо заплодировал. Всегда и везде находятся подхалимы, заглядывающие начальству в рот. Впрочем, актриса Лапоткова после таких слов тут же простила Игорю Ивановичу его очередную бестактность. Ну, почти простила. Ладно, играет Василина, и в самом деле, неважно, но кое-чем тоже может гордиться. Большинство актеров с движением куклы ещё справляются, а вот как её, в случае чего, починить, понятия не имеют, не говоря уж о том, чтобы самим куклу сделать. Надеются на художника Савочкина. Только диплом в кармане не делает его кукол лучше тех, что создает своими руками самоучка Василина. Так что режиссёрскую похвалу она вполне заслужила, куклы у неё замечательные.

– Да они выглядят просто как живые! – воскликнула Варвара-Виолетта, бросив неодобрительный взгляд в сторону режиссёра. – Ещё и каждая со своим характером. Правда-правда, иногда мне кажется, – понизила голос, – что не я веду Мальвину, а она меня.

Среди них есть куда более живые, чем многие из присутствующих, усмехнулась про себя Баба-Яга. И да, каждая кукла имеет свой характер. Всё как у людей. А если посмотреть с другой стороны, то и люди всего лишь куклы и ими также можно научиться управлять.

– Лучшей Бабы-Яги я в жизни не видел, – пробубнил Хрякин, запуская вилку в блюдо с мясным салатом-ассорти. – Особенно когда на метле. Помните метлу? Зря её из спектакля убрали.

Тут уж все засмеялись. Не забыли, как носилась по залу над зрителями на венике с длинным дрючком беззубая старуха. Действительно жаль, что из постановки этот трюк убрали, почему-то сочли его пугающим. Хотя дети тогда визжали не от страха, а от восторга. Они не видели старой тётки, управляющей большой куклой, они, как зачарованные, смотрели на настоящую, живую Бабу-Ягу, непонятно каким образом оказавшуюся в кукольном театре и, наверное, от нечего делать решившую их немного поразвлечь. Это немало – хорошо играть хотя бы одну роль. Особенно если ты на артистку не учился, о чём вскользь, но часто любит напоминать Лапотковой Игорь Иванович. Да, не было у неё профессионального образования, но управляя длинноносой каргой, Василина и чувствовала себя Бабой-Ягой, и была в те минуты самой настоящей Бабой-Ягой и никем больше.

Лиля Толстунова, принцесса из «Капризули», восторженно сообщила, что школьницей она видела тот самый спектакль с летающей Бабой-Ягой, и это было что-то. Что-то! Лиля, как и полагается Принцессе, меняла наряды каждый день и просто обожала быть в центре внимания, но своих мыслей в её голове не водилось, мозгов хватало лишь на то, чтобы повторять чужие слова. Если вокруг чем-то восторгались, восторгалась и она, если ругали, она тоже подключалась, гневно сводя брови и сверкая глазами.

После Лилии ещё кто-то вставил пять своих поздравительных копеек. Естественно, хвалебных. В юбилейный вечер, как на похоронах, хмыкнула Василина, даже о Бабе-Яге полага-

ется говорить только хорошее. Впрочем, чествование длилось недолго. Как только принесли ярославские колбаски с жареной картошкой, всегда голодный актёрский коллектив мигом сосредоточился на еде. А подкрепившись и выпив ещё по бокалу, окончательно позабыл о юбиляре. Каждый заговорил о своём.

Минута славы Лапотковой осталась в прошлом.

Ну что ж, она к этому привыкла. Она всегда была сбоку припёка в этом разношерстном и, главным образом, молодёжном коллективе. Сама по себе. Впрочем, то, что на неё больше не обращали внимания, было не так уж и плохо. Можно было расслабиться и посмотреть на других. Она вслушивалась в реплики, вглядывалась в лица, запоминала слова. В её копилку всё годилось.

Справа от Василины сидела Варвара, потом Птахин, а за ним Лиля. Птахин то и дело поворачивался к ней, отпуская шуточки. И сидевший напротив Кот Базилио, Василий Непейпиво, тоже не отставал. Толстунова смеялась и всю кокетничала с обоими. Непейпиво ладно, а вот Птахина ей лучше бы не трогать. Но Лиля никак не желала замечать того, что кому-то её кокетство не по душе. По слухам, у Варвары с Птахиним дело шло к свадьбе, но когда на горизонте возникла Лиля, он вдруг к Варваре как будто охладел, и теперь вот неизвестно, как дальше у них будет. Может быть, всё ещё сложится. А может быть, и нет. Впрочем, если нет, подумалось Василине, то это, наверное, и к лучшему. В самом деле, зачем Варваре этот самовлюбленный индюк? Не нужен он ей, решила вдруг Баба-Яга. И она ему не нужна, не пара они. Варвара мечтает о семье, а у него все разговоры сводятся к тому, что его талант и красота пропадают зря. Вот и сейчас оседлал любимого конька.

– У киноактёров возможностей намного больше, чем у артистов театра. Если бы у меня был шанс... Если бы у меня был шанс!

– У каждого он есть, только не каждый может им воспользоваться, – пробормотала Баба-Яга, глядя в тарелку, но её, конечно же, никто не услышал.

Уже через час о Василине окончательно забыли. И не заметили даже, что ещё через полчаса именинница исчезла. Не дожидаясь десерта, поднялась и незаметно выскользнула из зала. От яркого света и громкой музыки, которую кто-то включил неизвестно зачем, у неё разболелась голова. Так и оглохнуть недолго... Годы не те, чтобы подвергать себе такому многочасовому стрессу. Её потянуло на свежий воздух. Она решила немного прогуляться, прежде чем вернуться в гостиницу. Стоило отойти с десятков метров от освещённого центрального входа в ресторан, как она попала в удивительную провинциальную ночь. Фонари на улице не горели, – то ли их не включали в целях экономии, то ли лампы в них перегорели и никто не озаботился тем, чтобы их заменить, – ничто не приглушало сияния луны и ярких звёзд. Конечно, в областном центре она не стала бы бродить одна по ночным улицам. Но здесь, в маленьком городке, Василина чувствовала себя в полной безопасности. И видимо, не только она. Из городского сада доносились весёлые голоса и смех. А шагах в десяти впереди неё маячило светлое пятно платья какой-то женщины. Вот ведь, тоже одна идёт. И, возможно, тоже в гостиницу. А может быть, просто гуляет.

Вернулась Василина в свой номер непривычно поздно. Но, несмотря на усталость, уснуть сразу не получалось. Уже улёгшись в постель, она ещё долго думала о самых разных вещах, – то перебирала эпизоды прошедшего вечера, то вспоминала какие-то совсем давние события, то начинала размышлять о том, что заставляет человека менять привычный уклад, потом вдруг мысли её перескакивали на кукол, которых она сделала столько, что и со счёту сбилась... Можно сказать, некоторые итоги за полстолетие подводила. И пришла к выводу, что жизнь у Василины Лапотковой в какой-то степени удалась. Пусть нет у неё семьи, тут ей, надо сказать, не очень повезло, но разве это не счастье – делать то, что тебе нравится? Таким не каждый может похвастаться. А всё потому, что в своё время не побоялась сменить профессию.

Была тихой, малозаметной школьной библиотекаршей, а потом – раз! – и стала актрисой, ушла работать в кукольный театр.

Кто только не убеждал её не делать опрометчивого шага. «Кукольный театр! Это даже звучит несерьёзно! – пытался втолковать ей завуч. – Там вообще платят деньги? Тебе о пенсии думать пора. Включи здравый смысл!» Но Василина Лапоткова, ничего включать не желала и на уговоры окружающих остаться в школе не поддавалась. В неё словно бес вселился. Проснулось вдруг какое-то дикое упрямство, не позволявшее оглядываться назад. И незнакомый прежде внутренний голос твердил, что наступил тот самый «час икс» когда необходимо свернуть на другую дорогу. И она никому не позволит становиться поперек пути!

«Ты чего это, – спросила её озадаченно секретарша Тоня, – с каких щей завучу-то грубила? Он же хотел как лучше». «Может быть, это мой последний шанс начать делать то, что действительно нравится», – сердито ответила Василина. Хотя она и сама не понимала, как такое случилось, – она, обычно безмолвно выслушивавшая всё, что ей говорят другие, беспрекословно подчинявшаяся начальству, вдруг позволила себе такой резкий выпад. «Да чем тебе в библиотеке-то плохо? – изумилась секретарша. – Другие только мечтать могут о такой работе, это же не балбесов учить! Тишь да гладь! Сиди себе, книжки перекладывай, а уж в свободное время лепи своих кукол». Но перекладывать книжки Василина Лапоткова почему-то больше не хотела. Пусть кто-нибудь другой их теперь перекладывает, злорадно сказал всё тот же внутренний голос. Нельзя зарывать свой талант в землю. Каждый должен делать то, что должен, и её дело – куклы.

А начиналось всё так невинно!

Когда-то, ещё до школы, мама повела Василину в кукольный театр. Впервые. Если бы она знала, к каким последствиям приведёт её материнское желание порадовать ребёнка, возможно, и не стала бы этого делать. Спектакль произвел на её пятилетнюю дочь неизгладимое впечатление. Всю обратную дорогу они с соседской девчонкой горячо обсуждали увиденное. Нет, не спектакль, – что за пьеса была, Василина уже и не помнила, – а маленьких человечков, которые бегали по сцене. Обе сошлись на том, что хорошо бы заполучить хотя бы одну такую вот, волшебную куклу. Чтобы посмотреть, как она сделана и потом сделать самим такую же. И может быть даже не одну. Напрасно мать объясняла им, что куклы эти самые обычные, Василина не верила. Она собственными глазами видела, как куклы двигались, слышала, как куклы говорили и даже пели! Разговор закончился слезами. На другой день мать принесла из библиотеки книгу с картинками и вечером, усадив рядом с собой Василину, начала ей читать. Василина внимательно выслушала объяснения о том, из чего состоит и как работает кукольный театр. Долго рассматривала картинки. И, в конце концов, согласилась с тем, что кукол в театре в движение приводят люди. Вроде бы её в этом убедили, но как-то не до конца. Ведь театры, как и книжки, бывают разные. Например, в книжке о Буратино кукольный театр выглядел совсем по-другому. Значит, живые куклы все-таки где-то существуют? Она не стала больше спорить с мамой, поскольку уже знала, что есть вещи, о которых со взрослыми лучше не говорить, не поймут, а решила попробовать делать кукол сама – вдруг у неё получится сделать настоящую? Мама была не против, и вначале помогала ей клеить головы из папье-маше, шила наряды. Потом ей это надоело, но Василина к тому времени уже и сама справлялась. Ничего кроме кукол её теперь не интересовало. И с возрастом никаких других увлечений не появилось. Родителям оставалось только скорбно наблюдать, как их дочь вместо того, чтобы по свиданиям бегать, всё свободное время лепит, клеит и шьет. Деньги в мусор переводит. Так и умерли, не дождавшись ни внуков, ни того времени, когда авторские куклы стали пользоваться спросом, и за некоторые экземпляры коллекционеры готовы были выкладывать просто безумные, по понятиям скромной библиотекарши, суммы. Она стала делать кое-что на заказ, кое-что сдавала в магазин подарков, но своими тех кукол изначально не считала. Своих кукол Лапот-

кова не продавала. Она просто не могла с ними расстаться. С большинством из них. Отдать их в чужие, холодные руки? Нет, нет и нет! На каждую уходило столько труда и времени.

Её «двушка» была заполнена куклами. Те, что попроще, сидели на столиках и на диванах. Те, в которые было вложено больше душевных сил, хранились в шкафах, где родители Лапотковой когда-то держали свои книги и чайные сервизы, у Василины давно перекочевавшие в картонные коробки. Самые ценные, на её взгляд, экземпляры, до половины завернутые в матовую папиросную бумагу, стояли в специально сделанных коробках на шкафах, наблюдая сквозь прозрачные, целлофановые окна крышек за протекающей внизу жизнью.

Она с ними иногда разговаривала, рассказывала о том, что происходило на работе. Она даже ход своей жизни мерила куклами. «А, – говорила, припоминая то или иное событие. – Это случилось, когда я Чарли Чаплина делала». Нет, совсем законченной жадиной она не была, и, случалось, дарила то одной, то другой приятельнице какую-нибудь куклу, но всегда проверяла, приходя в гости, как там с ними обходятся, не обижают ли их? Конечно, куклы ничего не могли ей рассказать, – они не говорили, не улыбались, не плакали, – но все они были чувствующими.

Однажды в каком-то журнале она прочитала статью о галерее восковых фигур и ей пришла в голову мысль попробовать делать ещё и таких кукол. Одну сделала с лицом подруги детства, той самой, с которой когда-то ходила на первое в жизни кукольное представление. Подруга детства от подарка пришла в восторг. Да у тебя талант! Подруга работала в областной газете и вскоре там появилась статья о восковых «портретах». Потом была передача по местному телевидению. «Редкое хобби», называлась. Куклы в ней, как и в жизни, смотрелись величественно, чего нельзя было сказать о размахивающей руками тощей тётке в бесформенной хламиде. Телеэкран безжалостно показал Василине то, чего она о себе не знала, поскольку редко заглядывала в зеркало. «Ты хотя бы какой-нибудь наряд приобрела для таких мероприятий, – ворчливо заметила при встрече соседка. – Пугалом выглядишь». «Ну, пугало ни новый наряд, ни даже новая соломенная шляпа не украсят», отшутилась Василина, но пару платьев всё же прикупила.

Вот после той телевизионной передачи ей и позвонили из кукольного театра. Спросили, не сможет ли она сделать большую Бабу-Ягу? Театр в тот момент начинал работать с ростовыми куклами, а купить их было негде. Хотя Лапоткова до этого ничего подобного не делала, Баба-Яга получилась у неё отменная. Из чистого любопытства, – поскольку никогда не видела, как работают с куклами, – Василина пришла на репетицию. И ей сразу же стало ясно, что молодая актриса совсем не чувствует свою героиню. Робко приблизившись к режиссёру, сама не зная, почему и зачем это делает, Василина попросила разрешения показать, как должна говорить и вести себя настоящая Баба-Яга. Интерпретация Лапотковой настолько пришлась тому по вкусу, что режиссёр тут же, глядя на неё сверху вниз, поинтересовался, не хочет ли она попробовать себя в этой роли? Василина опешила. Я же не актриса, пробормотала. Ну и что, пожал плечами режиссёр, у нас тут каждый второй любитель. В самом деле, подумала Василина, почему бы и нет? Почему бы ей действительно не попробовать себя в новой роли?

Чем больше она размышляла по дороге домой о Бабе-Яге, тем больше та ей нравилась. Это на первый взгляд Баба-Яга персонаж отрицательный. На самом же деле, в большей степени – таинственный и неоднозначный. Женщина старая, но словно бы без прошлого. Никто не может сказать, откуда и как она появилась на свет, сколько ей лет, и была ли она когда-то молодой. Всемогущая вещая старуха, хозяйка леса, повелительница зверей и птиц... Вдобавок к этому, она, похоже, была ещё и бессмертной! Может быть, даже бессмертнее самого Кашея Бессмертного. Поскольку всем известно, где таилась кашеева смерть, а вот о смерти Бабы-Яги ни в одной сказке не упоминается. Нет, быть Бабой-Ягой совсем даже неплохо.

В исполнении Лапотковой старая ведьма была настолько убедительной, настолько правдоподобной, что на все следующие репетиции на неё даже уборщицы прибегали посмотреть. Все хвалили.

Вот тогда-то и явилась к ней шальная мысль поменять маршрут своей жизни. Уволившись, она пришла к режиссёру со своей трудовой книжкой. Тот в первый момент просто обомлел, не ожидал такого от скромной библиотекари. Но она уже вошла в новую роль. Точнее, роль вошла в неё и сделала Лапоткову другой, и возвращаться назад к себе прежней она не собиралась. Режиссёр это, видимо, почувствовал. И потому со вздохом приняв трудовую, предложил ей ещё пару незначительных ролей, сказав, что святым духом брэнное тело не накормишь.

«На этой работе у меня будет больше свободного времени, чтобы делать кукол, – объясняла Лапоткова любопытствующим свой скоропалительный уход из школы, – сами знаете, какая зарплата у библиотекаря. Теперь буду зарабатывать куклами». Скажи она правду, никто бы её не понял. А куклы на продажу, это да, самым тупоголовым понятно, что это выгодно.

Через какое-то время у Василины родилась идея написать пьесу, в которой Баба-Яга была бы главным действующим лицом. Кое-какой опыт в этом деле имелся, – работая в школе, она сотворила не один сценарий для детских праздников. Да, да, пьеса получилась, покивал режиссёр, но ставить её нельзя. Слишком необычна, больше подходит для взрослой аудитории, а театр у них, как известно, детский, к тому же, со сложившимся репертуаром. Отказ её не охладил, а только раззадорил, писать Лапоткова не прекратила и, отложив в дальний ящик приключения Бабы-Яги, сотворила несколько пьес для детей. И одну из них, после многочисленных переделок, приняли-таки к постановке. Но превратить в спектакль не успели. Старый режиссёр, относившийся к ней благосклонно, ушёл на пенсию, а новый, Игорь Иванович, Лапоткову невзлюбил с первой минуты знакомства. Он не только её пьес ставить не собирался, он от неё самой избавился бы с радостью, если бы не куклы, которых она создавала и чинила совершенно бесплатно.

И всё же, несмотря на такой поворот событий, Василина писать не перестала. Она всегда носила в своей торбе тетрадь – вдохновение могло настичь её в любой момент.

Вот и сейчас, повертевшись с боку на бок в постели и поняв, что в эту волшебную ночь ей вот так сразу не уснуть, она поднялась и, присев к столу, подняла глаза к сиявшим за окном звёздам. А потом принялась быстро-быстро царапать ручкой. Запись заняла две страницы и заканчивалась словами: «На следующий день они ничего не помнили».

Они и не помнили. Балаганщики, большей частью вздорный народец с неустойчивой психикой, – что с них взять? Она и сама часто не помнила, что там сотворила накануне.

2

У Птахина был угловой номер с двумя окнами. Одно выходило на площадь и кинотеатр, другое смотрело на маленький базарчик, за которым начинался то ли парк, то ли сад. У этого, открытого, окна стояла Варвара и, глядя вниз с третьего этажа, изучала ассортимент прилавков.

– Помидорами торгуют. Редиска, огурчики, – вздохнув, она развернулась к Птахину. – Так мы идем в буфет?

– Разве что бутербродов купить. А чай у нас вкуснее того, что там подают, – Птахин наклонился, открыл тумбочку, на которой стояла наполненная водой литровая банка с опущенным в неё кипятильником, и достал коробку со слонем. – Вот. Китайский. И вафли ещё есть. Кстати, как правильно сказать, пачка вафлей или вафель?

– Какая разница? Я на них уже смотреть не могу! Хочется нормальной пищи. Котлету, пюре, салат помидорный...

– В это время помидоры только тепличные, а значит, нитратные.

– Но это лучше, чем вафли!

– Не хочешь, не ешь, – пожал плечами Птахин. – Мне больше останется.

Варвара отошла от окна и, шлепнувшись на стул, с тоской уставилась в потолок в паутиных трещинках и разлапой люстрой по центру.

– Начало июня, а такая жара! И душ не работает. А ночью Катерина храпит. Тебе повезло, один живёшь. Слушай, может быть, все-таки в буфет сходим?

Ответить Птахин не успел. Из коридора донёсся топот, дверь без стука распахнулась, и в комнату ввалился Вовка Хрякин, чьи круглые плечи и выпирающий живот обтягивала жёлтая майка с многочисленными надписями на иностранных языках.

– Сидите? – закричал он с порога. – А в буфете холодное пиво! Хотите, принесу для освежения души? Варька, одолжи денег.

– Завтра сколько угодно.

– Завтра я и сам себе одолжу, если зарплату дадут, – сказал Вовка и повернулся к хозяину номера. – Птахин, дай, я знаю, у тебя есть.

– Откуда?!

– Ты же домой на днях мотался.

– Тебе бы так съездить! – огрызнулся Птахин, морщась от одного воспоминания о неудачной поездке.

Зря только время потратил. Матушка накануне его приезда отбыла в Крым, упала ей сверху горящая путёвка. Вообще-то её директору магазина, в котором мать работала, предложили, но тот не взял, сказал, что в начале лета море ещё холодное. А матери морские купания по барабану, она и плавать-то не умеет, а просто погулять и подышать воздухом всегда полезно, вот и махнула на юга. Пришлось Птахину возвращаться, несолоно хлебавши. Правда, немного денег он у соседки бабы Доры всё же перехватил, и ещё кое-какие продукты привёз, из того, что нашлось дома.

– Я эти гастроли Салопегову припомню! – сердито произнес Хрякин, опускаясь на стул. – «Отдохнете-позагораете в сельской местности, река-озеро, раки-пескарики, и народ культурой не избалован – сборы гарантирую!» – очень похоже спародировал директора. – Сидит, гад, сейчас у себя в кабинете с кондиционером и над нами, идиотами, посмеивается. И зарплату ему, как нам, не задерживают, получает в конвертике день в день, как положено!

– Вовка, не петушись. Салопегов не меньше нас заинтересован в том, чтобы в зале были зрители, – примирительно произнесла Варвара. – Но кто знает наперёд, что будет на гастролях, да ещё и летом? Хотя, конечно, – согласилась, после короткого молчания, – в этот раз здесь

дела уж совсем никуда. Пустой зал как-то не вдохновляет. Ладно, – она сунула руку в карман ситцевого халатика и достала кошелек. – На вот тебе, на пиво. Да, Вовка! Купи ещё нам по паре бутербродов! – крикнула вслед.

Последнюю фразу Хрякин уже вряд ли слышал. Он обладал поразительной для его комплекции скоростью, и вечно носился так, словно в одном месте у него был реактивный моторчик. Жажда гнала его к источнику влаги и заполучив деньги, он мгновенно растворился в полутьме коридора, оставив дверь открытой.

– Вовка прав, ехать в такой, богом забытый городишко в начале лета просто глупо, – сказал Птахин и, выдернув шнур из розетки, вытащил из банки кипятильник. – Летом на юг надо ехать, – добавил, вспомнив о матери. – Туда, где народ отдыхает, а не залазит после работы в свои огороды.

– С таким как у нас руководством мы всегда будем болтаться на периферии, – вздохнула Варвара. – Вот скажи, откуда берутся бесталанные руководители?

– Оттуда, откуда и все. Но дуракам, как известно, везёт. Родился бездарем – быть тебе директором, – пошутил Птахин. Бросив горсть заварки в банку, он взял со спинки стула полотенце и обернул её. – Пусть настаивается. А ты пока сполосни стаканы. Честно говоря, я этим театром сыт по горло, давно бы куда-нибудь ушёл. Да вот хоть в массовку на киностудию, там и то больше зарабатываешь.

– Могу предложить роль.

Это прозвучало так неожиданно, что спешащая в ванную Варвара от испуга выронила один из стаканов, который, конечно, не мог не разбиться. Оглянувшись, она увидела в дверном проёме женщину.

– Могу предложить роль, – повторила та негромким, каким-то тусклым голосом. – Извините, что без стука, но тут было открыто.

Варвара с негодованием посмотрела на осколки, потом перевела взгляд на незнакомку. Так можно довести человека до инфаркта, после чего мило извиниться и сказать: у вас было открыто. Открытая дверь совсем не означает, что можно вот так, запросто, войти. Наоборот, в открытую дверь нужно входить особенно осторожно. А если вас не ждут, то лучше не входить совсем. И подслушивать чужие разговоры и, тем более, вступать в них, это уж, извините, полное бескультурье! Птахин тоже некоторое время молчал, разглядывая незнакомку, потом сделал слабый приглашающий жест рукой:

– Проходите... Присаживайтесь.

Женщина не заставила себя ждать, быстро продвинулась к столу и опустилась на стул. У неё не только голос был невыразительным; тусклым, каким-то смазанным был весь её облик. Трудно было понять не то что выражение лица, – уплывало, терялось само лицо, и совершенно невозможно было определить, во что она одета. Что-то бесформенное и бесцветное. Просто какая-то абсолютная серость, подумала Варвара. Из такой актриса никогда бы не получилась.

– Ваш последний спектакль...

– Это какой? – хмуро поинтересовалась Варвара-Виолетта. – У нас две новых постановки, «Волшебная дудочка» и «Хамелеоны».

– Ваш спектакль «Хамелеоны» случайно увидела одна важная персона. Потому выбор и пал на вас. Вы – Главный Хамелеон, – кивнула она Птахину, – а вы – вы ведь Варвара-Виолетта? И играете роль Лани, я не ошиблась?

– Верно, – изумилась Варвара. – Лань, и ещё Бабочка...

Было чему удивляться. Незванная гостья, что, по голосу определила, кто какую куклу приводит в движение? И откуда ей известно не только псевдоним Варвары, но и её настоящее имя? Впрочем, скорее всего, эта тётка уже побывала у администратора.

– Вы можете изобразить любое животное? – все так же тускло и бесстрастно поинтересовалась женщина.

– Мы можем *сыграть* роль любого животного, – поправила гостью.

– А что за роль? – спросил Птахин. – Что за спектакль? Где?

– Представление на открытом воздухе...

– Так вы из детского лагеря? Вот! – с упреком произнес Птахин, оборачиваясь к Варваре. – Вот решение вопроса! Я Игорю Ивановичу говорил о детских лагерях. Они же везде, в каждой области, в каждом районе есть. И нам хорошо и детям приятно. Так он уперся! Пускай, говорит, заказывают автобусы и привозят школьников в городской Дом культуры.

– ... в условиях, приближенных к реальным, – закончила фразу женщина, оставив без внимания птахинский пассаж. – Преследование.

– Преследование? Что значит «преследование»? – с подозрением спросила Варвара-Виолетта.

Незнакомка определенно не вызывала доверия. Странная женщина. Приходить в гостиницу к актерам кукольного театра, чтобы пригласить их поучаствовать в каком-то непонятном представлении непонятно где в непонятно какой сцене преследования?

– А нельзя взглянуть на сценарий?

– Сценария нет.

– Как это, нет сценария? – оторопела Варвара. – А что тогда играть? И как? Импровизация, что ли?

– Экспромт. Всего одна сцена с вашим участием. Вы согласны?

Варвара открыла было рот, чтобы, прежде, чем соглашаться, всё-таки докопаться до истины и узнать, что за сцена такая, но спросить не успела.

– В принципе, да, – опередил её Птахин. – Согласны. Похоже, работа не займет много времени. Одна сцена, да ещё и экспромтом, без репетиций... Сделаем в лучшем виде. Но, – он слегка наклонился вперед и понизил голос, – надеюсь, это не благотворительное представление на какой-нибудь воскресной ярмарке? Как с оплатой?

– Деньги получите вперед. Сколько вы хотите?

От небывалого вопроса Птахин и Варвара на какое-то время утратили дар речи. Переглянувшись, они одновременно присели, Виолетта на стул напротив незнакомки, Птахин на кровать.

– Вы предлагаете нам самим назначить цену за выступление? – кашлянув, решила уточнить Варвара.

– Да. Сколько это будет стоить?

– Ну-у... Я вообще-то много могу запросить, – на Птахина вдруг снизошло нервозно-игривое настроение. – Спектакль ваш, как я понимаю, любительский, раз даже сценария нет, а мы все-таки профессионалы. Импровизация, опять же, а ещё нужно переговорить с нашим режиссёром, согласовать время... вы когда хотите нас видеть?

И, не дождавшись ответа, выпалил:

– Сто. На каждого. За час рабочего времени. В... в валюте, естественно.

Варвара застыла, не в силах слова вымолвить от птахинского нахальства. Птахина иногда заносило, случалось такое, да. Он всегда был склонен себя переоценивать, но нельзя же так наглеть. Если эта тётка и в самом деле предлагает реальную работу, которая не займет много времени, то просить надо и реально возможную сумму.

– Ну, Птахин, – прорезался у неё, наконец, голос, – думай же, что говоришь.

– У вас другая цена? – повернула голову в её сторону женщина. – Сколько?

Варвара растерялась.

– Ей всегда мало, – хмыкнул Птахин. – Но за двести она, возможно, согласится. А если предложить триста, то точно не устоит. Триста зеленых, то есть, долларов. Только в местной валюте, поскольку в этом селении, скорее всего, и банка-то не найти, чтобы их поменять, а у нас

как раз сейчас возникли некоторые экономические затруднения... Да, думаю, по триста каждому – это справедливая цена.

Уже ясно было, что Птахин просто дурачится, прикалывается, но женщина, похоже, этого не замечала.

– Договор заключен, как только вы получаете деньги, – ответила она.

И тут до Варвары дошло. Или это розыгрыш, или эта тётка, эта серая мышь сбежала оттуда, откуда сбежать не полагается. Поскольку трудно было представить, что кто-то из их разношерстной команды мог устроить такое представление, значит... Точно! Как она сразу не догадалась? Ведь это ясно, как день! Что делают в таких случаях? Куда в такой ситуации принято звонить? В больницу или в милицию? Скорее всего, в милицию. Там разберутся. Главное, в присутствии таких больных не делать резких движений. Чтобы не спугнуть. Она медленно поднялась и так же медленно направилась к двери, которая, к счастью, оставалась открытой.

– Деньги, – произнесла женщина. – Возьмите деньги.

Раздался изумленный возглас Птахины. Варвара обернулась и тоже едва не вскрикнула – на столе лежали деньги. Довольно много. Как, когда она их туда положила? И откуда достала? Ведь у неё с собой не было ни сумки, ни даже пакета... вроде бы. Или что-то все-таки было? В этот критический момент из коридора донесся знакомый топот и в комнату снова ввалился Хрякин. Обладая орлиным зрением, он сразу засек то, что лежало на столе, и тоже на мгновение замер, но только на мгновение. А потом заорал так, что прохожие, если таковые имелись поблизости, наверняка останавливались под окнами гостиницы, думая, что там кого-то режут.

– Во! Во, дают, а? Приносят зарплату с утра пораньше и никому ни гу-гу! Народ голодает, живет вторую неделю, можно сказать, при поддержке святого духа, потому как, если верить начальству, денег пока нет и неизвестно когда будут, а тут... Все же разбежались с утра, потому как выходной! Я сам на речку собрался. В такую собачью жару в этом захолустье больше некуда и податься. Здесь даже о нормальном душе приходится только мечтать. За что только на этом постоялом дворе деньги берут! Давайте скорее ведомость, я распишусь. Что такое?

Хрякин, наконец, заметил гипнотизирующий взгляд Варвары.

– Это не наша зарплата, – тихо и медленно произнесла та и, скосив глаза в сторону сидящей к ней спиной женщины, покрутила пальцем у виска. – Я хочу сказать, это, конечно, оплата, только деньги...

– Это нам с Варькой аванс, за участие в одном, пока несыгранном спектакле, – ухмыльнулся Птахин.

– Так аванс или оплата?! – взвыл Хрякин. – Впрочем, чёрт, аванс это или оплата за роль в несыгранном спектакле, какая разница! Я тоже хочу в нём участвовать! Что за спектакль, где и когда?

Хрякин мог здорово напортить.

– Там только две роли, – произнесла Варвара, делая большие глаза, чтобы до Вовки дошло, наконец, что здесь всё совсем не так, как видится со стороны, что ситуация непростая и даже опасная. – Понимаешь, только две. И мы с Птахиним уже, можно сказать, подписали приговор... то есть, договор! А ты... ты, вот что, пойдёшь к Игорю Ивановичу и попроси, чтобы зашёл, нужно с ним время согласовать.

– Сама сходи к своему Игорю Ивановичу, – огрызнулся Хрякин и ринулся вперед. Он прямо затанцевал вокруг стола, стараясь привлечь внимание гостей.

– Я согласен на самую маленькую роль. Даже без слов.

Женщина оглядела плотное тело Хрякина.

– Хотите принять участие в сцене преследования?

– Да просто горю желанием! Я ведь могу сыграть кого угодно! Вы спросите у нашего режиссёра, кто самый талантливый в театре? Все знают, что это я! А вы не с «Мосфильма»? Слышал, здесь идут какие-то съёмки в Сосновой Роще, в бывшем имении князя...

– Тебе же ясно сказали, там только два действующих лица! – сердито прервала его Варвара.

– Что мешает ввести третье? – удивился Хрякин. – Все думают, их только двое, а тут – раз! И появляется третий! Эффект неожиданности всегда оживляет действие!

– Возможно, – помолчав, произнесла женщина. – Но в сцене погони нужно быть сильным, агрессивным, а у вас в последнем спектакле, если не ошибаюсь, роль доброго поросёнка.

– Это все из-за фамилии, только из-за неё, – заверил Хрякин, ничуть не удивившись осведомлённости гостыи. – Режиссёру показалось, это будет забавно, если поросёнка сыграет актёр по фамилии Хрякин. А фамилия, между прочим, сильная. Известная фамилия. У меня дед мастер спорта по жиму лежа был. Так что не ошибётесь, если возьмёте меня! У меня и сила, и агрессия самые что ни на есть природные. Гены, от которых, как говорится, не уйти! Я, можно сказать, с первых дней в театре мечтал о роли, где можно было бы проявить свой характер, показать свои возможности! Обратите внимание, и внешность у меня подходящая! – Хрякин расправил плечи. – Я всегда знал, что в кино актёров ценят больше, чем в театре, где хороших ролей тебе никогда не видать, если ты не лижешь зад известно кому. А уж о кукольном и говорить нечего.

– При чем тут кино?! – занервничал Птахин, обеспокоенный тем, что неожиданно-негаданно упавшая с неба нереальная какая-то роль, вкупе с лежащими на столе вполне реальными деньгами, могли запросто уйти к другому. – Речь о спектакле на природе!

– Не дурак, – фыркнул Хрякин, – понимаю, что такое съёмки на натуре. Мне без разницы, где работать. Настоящий актёр хорош везде! Значит, я участвую? Тогда как с авансом и для меня? А лучше – выдайте всю сумму сразу и делу конец. Я не подведу, честное слово!

Варвара схватила за голову.

– Ой, совсем забыла! Мне нужно было позвонить ровно в девять, а уже десятый час.

– Деньги, – повелительно напомнила женщина.

Главное, не раздражать. Варвара повернула назад к столу. Можно и деньги взять, только бы поскорее добраться до телефона... Боже, сколько денег!

Хрякин завертелся как уж на сковородке, не зная, куда приткнуть две бутылки и бумажный пакет с бутербродами – стол-то был занят! – и, в конце концов, не придумал ничего лучшего, как свалить всё на край постели Птахины.

– Что за идиотские выходки! Мог бы и на подоконник пиво поставить! – возмутился Птахин. – И бумага жирная, а мне потом на этой кровати спать. – И вдруг остановился как вкопанный. – Смотрите!

Но странный шум уже достиг ушей и остальных.

– Вот это да! – Воскликнул Хрякин и тоже повернулся к окну.

Это был не просто дождь – с неба словно водяная стена вдруг обрушилась.

– Надо же, – ошеломленно пробормотала Варвара. – Глазам своим не верю, утром солнце жарило, никаких туч и в помине не было.

Она подошла к окну и, вытянув руку, подставила ладонь под тугие струи.

– Перед дождем как раз всегда печёт! – Хрякин тоже приблизился к окну. – Во льёт! Сроду такого дождя не видел. М-да. А день-то пропал, сиди теперь, как заложник, в этом старом клоповнике! Выходной называется. Разве что в кино пойти? Говорят, в этом ихнем «Сатурне» или, как его там, «Юпитере», какие-то приключения показывают. Фильм то ли американский, то ли испанский... забыл название. А – а когда начинаются ваши – то есть, я хотел сказать, наши, – съёмки? То есть, спектакль под открытым... О! Братцы!

«Братцы», взбодренные вскриком, тут же повернули головы в сторону Хрякина, вид которого выражал крайнее изумление. И неудивительно. Стул, на котором только что сидела гостыя, был пуст. Никакой женщины в комнате не было.

– Ушла! – облегченно выдохнула Варвара, но тут же нахмурилась. – Но всё-таки надо бы в милицию позвонить, наверное, её уже разыскивают.

– С какой стати? – вскинул брови Хрякин.

– А деньги? Что с ними делать? – Птахин не мог оторвать взгляда от поверхности стола.

Некоторое время все молчали. Деньги не исчезли вместе с женщиной, а по-прежнему лежали там. Хрякин внезапно хлопнул себя ладонью по лбу.

– Как же я сразу не допетрил, балда! В буфете говорили, что на местном сахарном заводе кассу взяли!

Теперь все тарасились друг на друга.

– Ты думаешь... – начал Птахин.

– Ну да! – уверенно произнес Хрякин. – Она принесла немного сюда, чтобы запутать следы или, – он прищурился, – что ещё хуже, чтобы бросить на нас подозрение! Мало ли кто под видом артистов сюда приехал? Гастролёры, они разные бывают.

– Да вы что? – опомнилась Варвара. – Даже если она и принимала участие в этом грабеже, – опять же, если он и в самом деле был, этот грабёж, – кто же будет просто так деньгами разбрасываться? Разве какой-нибудь сума... – тут она снова вспомнила о своих подозрениях и замерла на мгновение. – Да она же явно была не в себе! Я сразу это поняла и хотела позвонить, вызвать «скорую». А вы-то, вы-то хороши! «Спектакль на лоне природы! Натурные съемки»! С первых слов ясно было, что у неё непорядок с головой! Приходит, предлагает работу, нас знать не знает, а даёт аванс, но ни слова о том, что за работа, когда, куда идти. Она ещё всё о преследовании говорила, о погоне, а это первый признак сами знаете чего. Но, правда, откуда у неё такие деньги? Может быть они не настоящие? – Она подошла к столу.

– К деньгам не прикасаться! – предостерегающе выкрикнул Птахин неожиданно тонким голосом. – Могут остаться отпечатки пальцев! Ох, кажется, мы влипли, – констатировал, опускаясь на пакет с бутербродами. – Если где-то что-то действительно ограбили, а найдут эти деньги здесь, представляете, что может быть? Нам это дело пришить – нечего делать! Кто поверит в то, что явилась какая-то тётка и что-то мутное несла, участвовать непонятно в чём предлагала? Она ведь так и не сказала, спектакль это или кино, и где всё это будет конкретно происходить.

– Да, вот где теперь эту даму искать? – растерянно спросила Варвара.

– С какой стати мы должны её искать? – пожал плечами Хрякин.

– Значит, звонить в милицию не будем? Или как?

Некоторое время все снова молча смотрели на стол, не в силах оторвать взгляд от денег. Сובлазн оставить их себе был очень велик. Как велика и вероятность того, что их, непонятно как и зачем, втягивают в какое-то тёмное дело.

– Ки-и-но-о, – протянул Птахин. И вдруг встрепенулся. – Это мысль! Вот что, – оглядев-шись, произнес шепотом. – Сейчас мы запираем дверь и идем в кинотеатр. Здесь оставляем все как есть, если милиция по следу идёт, и эту сумасшедшую уже разыскивает, то нас, извините, не впутать! Мы ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем. Нас здесь в это время вообще не было, мы в кино были. На дневном сеансе! Короче, идём! Заодно разузнаем, что там слышно по поводу ограбления. Ключ дежурной не оставлять и никому из наших, если встретим вдруг, ни слова. Из гостиницы выходим по одному, чтобы не привлекать внимание.

– Голова идет кругом. Давайте поедим и всё ещё раз обдумаем, – сказала Варвара. – Из-за этой тётки у нас и чай остыл.

– Нечего обдумывать. Как решили, так и сделаем, – решительно произнёс Хрякин, взглянув на свои часы. – Пейте свой чай, а я пива хлебну. Есть чем бутылку открыть? – повернулся к Птахину.

Поймав перочинный нож, сдёрнул крышечку с бутылки.

Минут пять все молчали. Сидя на краю постели у тумбочки Птахин жевал бутерброд, шумно запивая его чаем, Варвара елозила на другом краю кровати, нервно покусывала нижнюю губу и крошила вафлю. Наконец, не выдержав, поднялась.

– Ну что, я пошла?

– Давай, – кивнул Хрякин. – Я следом.

После её ухода Птахин отставил пустой стакан, вытер губы бумажной салфеткой и повернулся к приятелю.

– А что, если эта тётка действительно с какой-нибудь киностудии? Что если возьмёт и пришлёт кого-нибудь за нами, чтобы сниматься в лесу?

– Если пришлёт, будем сниматься, в чем проблема? – удивился Хрякин. – Это вообще было бы лучше всего. Заработаем.

– Ну, не знаю, лучше или нет, – Птахин кивнул в сторону окна, за которым по-прежнему шёл дождь. – Представляешь, как сыро в лесу после такого потопа? И говорят, клещей в этом году полно... – Он осёкся, некоторое время молчал, потом искоса взглянув на Хрякина, неожиданно продолжил совсем другим, просительно-вкрадчивым голосом. – Слушай, Вовка, а ты не мог бы один справиться, если что? Я не отказываюсь, конечно. Могу и пойти, но, как бы это выразиться, в качестве поддержки, что ли. А по лесу бегать, честно сказать, не хотелось бы. Не любитель я прогулок на природе, да ещё в такую-то погоду. И потом, там всего одна сцена, чего ж вдвоем пыхтеть? Заметь, кстати, она ведь не сказала, что берёт тебя... но я, я готов уступить тебе свою роль при одном условии, – закончил уже более решительно, – при условии, что деньги делим на троих, и я в любом случае получаю свою долю. Повторяю, я даже попри-сутствовать могу, ну если надо показать, что мы все трое на площадке. Идёт?

3

Когда случалось выезжать на гастроли, Василине всегда доставался одноместный номер. Молодые предпочитали свою компанию, держались вместе, никто не рвался жить с ней в одной комнате. С такой и не поболтать, всё время молчит, возится со своими куклами. Да и слишком стара, чтобы делиться с ней секретами и сплетнями. А когда рот открывает, то что-то такое, учительское в интонациях проскальзывает. Видимо, работа в школьной библиотеке наложила свой педагогический отпечаток. А молодым не нравится, когда их поучают, советы дают. Так что Лапоткову не то, чтобы не любили, но как-то обходили стороной. Впрочем, и она ничьей дружбы не искала и одиночества не боялась. Привыкла. Одиночество, оно не так уж плохо. Никто не внедряется в твоё сознание и в личное пространство, не нарушает твоих планов в самый неподходящий момент.

Закрыв номер на ключ, она отправилась на завтрак в гостиничный буфет. Прошла длинным пустым коридором и оказалась в просторном холле, где тоже было пусто. Лишь за стеклянной перегородкой сидели и вяло перебрасывались фразами две женщины из гостиничной obsługi. Похоже, в гостинице, кроме их театральной группы, никто не жил. Артисты же просыпаются поздно.

Но сегодня рано поднялась не только Баба-Яга.

В холле Василина увидела Варвару. Та, издали поздоровавшись, сделала озабоченное лицо, дескать, некогда, спешу, и прямехонько – к входной двери.

– На улицу? В такой дождь? Далеко?

Варвара нехотя приостановилась.

– В кино, – пробормотала.

– Где это так рано начинают фильмы показывать?

– В кинотеатре, естественно, где же ещё? – уже с несвойственным ей раздражением дернула плечом Варвара. – Первый сеанс в двенадцать, но надо ещё купить билеты.

– Сомневаюсь, что в такую погоду за ними стоит километровая очередь, – хмыкнула Василина. – Ты хотя бы зонт взяла.

– У меня его нет.

– Давай я за своим схожу, – предложила Василина.

У неё был прекрасный чёрный зонт, который она, в отличие от молодёжи, всегда предусмотрительно возила с собой. Но Варвара от зонта отказалась, кинотеатр вот он, за углом, рукой подать! Так в тонком платье и выскочила в дождь.

Покачав головой Баба-Яга продолжила свой путь в направлении буфета. Она дошла до широкой, ведущей вверх лестницы, когда послышался быстрый топот и сверху вниз слетел, едва не сбив её с ног, Вовка Хрякин.

– Осторожнее! – Василина отпрянула в сторону.

Всегда-то он носится как угорелый!

– Опаздываю! – бросил в ответ Вовка, не останавливаясь, и тоже устремился к выходу.

Это было, по меньшей мере, странно, бежать куда-то сломя голову в такую погоду.

– Вот молодёжь, – послышался голос из-за стеклянной перегородки. – И дождь им нипочём!

Василина оглянулась. В проёме окошка в стеклянной перегородке, над которым красовалась надпись «Администратор», маячило лицо сильно накрашенной дамы неопределённого возраста. Мощные плечи обтягивала ажурная кофточка.

– Вы посмотрите, как лёт! За порог выйдешь, так сразу в канализацию и смоешь! Не-ет, – протянула администраторша, – в такой ливень зря бежать куда-то никто не будет. Что-то тут...

Тань! – повернув голову, окликнула девушку, сидевшую у окошка над которым было написано «Касса». – Не хочешь прогуляться? Похоже, в универмаге какой-то дефицит выбросили!

– Я, что, ненормальная? – фыркнула Тань.

В самом деле, подумала Василина, нормальный человек переживает непогоду под крышей. Мудро она поступила, отказавшись от утренней прогулки. Погуляет позже, после дождя и воздух будет чище. Правда, пришлось отказаться и от завтрака в кафе, где, погуляв, она обычно ела свою овсянку. Но позавтракать можно и здесь. Правда, она ещё ни разу в гостиничном буфете не была, найдется ли там что-нибудь, кроме выпивки и каких-нибудь заветренных бутербродов?

Уже входя в буфетную, услышала торопливые шаги и оглянулась. Птахин. Судя по непромокаемой курточке, тоже решил выйти на улицу. Администраторша была права – явно что-то было не так в это утро. Чего это в такой ливень их всех куда-то потянуло? Ладно, решила Василина, рано или поздно все разъяснится, а сейчас нужно позавтракать

– Нет, овсянки нет. Но если надо – приготовим, – бойко откликнулась на её нерешительный вопрос рыжеволосая девушка за барной стойкой. – Делов-то. Вы какую любите – на воде или на молоке? Сладкую? С изюмом, может быть?

– Лучше с молоком, если есть молоко. Только, пожалуйста, не кладите ни сахара, ни изюма.

– Ясно. Будет вам овсянка. Минут через десять.

Пораженная уровнем сервиса Баба-Яга огляделась и, как ей показалось, поняла причину столь внимательного к себе отношения.

– У вас всегда так пусто?

– Только по утрам, – ответила девушка, выуживая из недр подстоля кастрюльку. – Вечерами сюда и те, кто в гостинице живёт, спускаются, и местные заглядывают. А по выходным иногда столько набегит народу, что только поворачивайся! – добавила гордо. – Да вы присаживайтесь пока, я принесу вам вашу овсянку.

Василина проскользнула к самому дальнему столу у окна и, усевшись, ещё раз окинула взглядом помещение. Как и во всей гостинице, обстановка была довольно старомодной – тёмные дубовые панели до половины стены, покрытые белыми скатертями столы, массивные стулья, – но это как раз ей и понравилось, был в этом какой-то старомодный успокаивающий уют. Напротив окна прямо на стене была нарисована маслом большая картина в стиле пятидесятых: на переднем плане резво бегущая лань в светлых пятнышках, а в отдалении таилась в ядовито-зеленых кустах фигура то ли собаки, то ли волка, она художнику как-то не слишком удалась. Лапоткова перевела взгляд на окно, за которым её взору предстала картина живая. Проезжающие машины взбивали колесами водяные фонтаны, редкие прохожие бежали по щиколотку в воде, держа над головой кто – газету, кто – пакет, кто – какой-то мешок. Зонтиков почти ни у кого не было, дождь всех, за редким исключением, застал врасплох. Он уже не лил с прежней силой, но и прекращаться, похоже, пока не собирался. Не зря ей сегодня спалось дольше обычного и вставать не хотелось, организм словно чувствовал, что погода переменится. И проснувшись, она почти наверняка знала, что день будет необычным. Предчувствие не обмануло, вот, пожалуйста, ливень, в одно мгновение поменявший все её планы.

В такие вот, непригодные для гуляний дни ей работалось как-то особенно хорошо. И сегодня, когда она не занята в спектакле, она зря время терять не будет. Прямо здесь и поработает. Место хорошее, спокойное, никаких посетителей.

– Давно у нас такого дождя не было. А может быть, и вообще никогда, – сказала девушка, ставя перед нею тарелку с овсянкой.

– Да, настоящий тропический ливень, – согласилась Василина. – В такую погоду только большая нужда может на улицу выгнать.

Покончив с овсянкой и выпив кофе, она извлекла из своей большой сумки потрепанный блокнот, ручку и, покусывая её кончик, задумчиво уставилась на картину. Куда всё-таки бежали эти трое? Варвара сказала, что идёт в кино. В кино так в кино, в своё свободное время каждый имеет право заниматься тем, чем хочет. Можно и фильм посмотреть. А можно и над рассказом поработать. Но почему она, обычно доброжелательная и спокойная, так нервничала при разговоре? Василина прикрыла глаза, как часто делала, когда ей надо было что-нибудь обдумать. Вот ведь какая ситуация...

Баба-Яга перевела взгляд на белеющую перед нею страницу. На чём она тут остановилась?

4

Как он оказался здесь, на опушке леса, под кустом с блестящими твердыми листьями, волк не помнил. Все вокруг было незнакомым – высокие деревья с могучими кронами, растения, которых он не знал. Но настораживало, пугало его не столько неизвестное место, где он вдруг, непонятно как, оказался, сколько странная тишина. Он поводил ушами, пытаясь уловить хотя бы один звук, но не было ни звуков, ни намека на какое-то движение. Он твёрдо знал, что в ветвях деревьев должны быть птицы – скрипящие, свистящие, щебечущие, – а на земле, среди травы, много мелкой шуршащей живности, но, сколько ни поворачивал голову из стороны в сторону и сколько не шевелил ушами – ничего. Лес словно вымер. И – это тоже пугало – он не чувствовал никаких запахов. Он был голоден, очень голоден, но как искать еду, если нет запахов? Сквозь листву он видел поле, убежавшее вниз по склону сразу за опушкой. Безмолвные волны бежали по высокой траве. Что-то манило его, что-то толкало его туда. Почему-то казалось, что там будет чем утолить голод. Но, как и отсутствие запахов, настораживала, пугала, мешала выбраться из кустов на открытое, залитое светом вечернего солнца пространство эта неестественная тишина. Но поскольку голод всё сильнее жёг его внутренности, в конце концов, волк решился.

Осторожно выбравшись из кустов, пробежал несколько шагов вперёд и замер. Стоило ему оказаться под солнцем, как он сразу услышал шорох травы, стрекот цикад, пронзительно зазвенели комары. Следом накатил мощная волна запахов. Среди множества которых, он сразу же безошибочно распознал главный, и всё остальное мгновенно утратило всякое значение. Вначале медленно, а затем всё быстрее и быстрее он побежал туда, куда звал его этот запах. Стараясь не потерять след, волк пересек опушку, потом поле и оказался на берегу широкого ручья. У воды волшебный, манящий запах исчез и волк понял, что та дичь, по чьему следу он бежал, пересекла здесь поток. Волку не хотелось входить в воду и, постояв несколько мгновений у воды, он повернулся и побежал по берегу.

Ручей мягко петлял в низине, и волк, повторяя его извивы, серой тенью скользил рядом, пока в одном месте не увидел, наконец, торчащий из воды внушительных размеров камень. Прыжок – и он оказался на другом берегу. И тут же зашуршали и сомкнулись кусты впереди, и снова возник запах. Большими прыжками волк ринулся по следу. Добыча была пока ещё невидима, но она была уже точно близка.

Заходящее солнце освещало пологий склон горы, над которым парила, озирая окрестности, огромная птица. Сверху хорошо просматривалось горное селение с плоскими крышами домов, сады около них, люди. В вечерних лучах всё это, очерченное контурами сгущающихся теней, виделось особенно отчётливо. Пастух гнал отару овец, две больших собаки помогали ему, следя за животными и отгоняя их подальше от крутого обрыва. Внизу петлял ручей, из которого пила воду лань, а вдоль ручья к тому месту, где она стояла, бежал огромный волк. Потом стало быстро темнеть, солнце медленно опускалось за торчащий палец на фоне бледного неба горный выступ, на край которого опустился орёл, а потом и скрылось, подкрасив напоследок облака в красновато-розовый цвет. Но вот погасли и облака. Словно тёмный занавес упал на землю сверху и скрыл все эти декорации. Но ненадолго, прошло ещё немного времени, и в небе ярким пятном засияла луна, освещая изменившийся до неузнаваемости пейзаж.

Лань стояла у самой воды.

Внезапно она что-то почувствовала, что-то встревожило её. Вздернув голову, пугливо огляделась. Два огонька, как сигнал тревоги, блеснули меж колючих кустов, давая понять, что рядом смертельный враг. Лань рванулась вперёд. Бежать, бежать! Охвативший её панический

страх гнал вперёд, придавал силы. Ручей в мгновение ока остался далеко позади, а впереди возник крутой склон, заросший невысоким кустарником. Чем дальше она бежала по нему, тем круче он становился. Исчезла трава, из-под ног сыпался щебень. Перепрыгивая с камня на камень, она взбиралась всё выше и выше. И вдруг резко остановилась и замерла. Дальше бежать было некуда – перед нею открылась пропасть. С другой стороны провала убегал вверх отвесный кряж, на вершине которого сидела большая птица. Площадка, на которой стояла лань, оказалась ловушкой. Смерть ждала впереди, и смерть следовала по пятам. Волк тоже понял это и приготовился к последнему прыжку. Теперь их разделяло совсем небольшое пространство. Совсем близко был дрожащий хвост, мягкая, шелковистая шея, которую через несколько секунд будут рвать его крепкие зубы...

Заглянув снова в пропасть, лань отпрянула, заметалась в панике, подняла голову вверх, словно моля о спасении тёмное небо с холодным ярким ликом луны, а потом снова обернулась, охваченная смертельным страхом. И волк увидел глаза своей жертвы.

Он узнал их – он видел их раньше. Они были хорошо знакомы ему, эти раскосые глаза, в которых стоял ужас. И этот ужас внезапно передался ему. Волк понял вдруг, что не сможет вонзить свои зубы в эту нежную плоть, даже если ему будет грозить голодная смерть. Но и уйти он не мог. Грозный внутренний голос запрещал ему отступать. Он подталкивал. Он приказывал: вперёд! Один прыжок и пища твоя! Но волк не мог прыгнуть. Окаменев, они стояли у края расщелины, глядя друг другу в глаза. Мгновения растянулись в вечность.

Внезапно от края горизонта стали быстро надвигаться облака и через несколько минут они поглотили луну. В их огромной вспученной массе там и здесь начали вспыхивать безмолвные всполохи зарниц. Усиливаясь, нарастал странный шум. Казалось, на вершины деревьев в лесу налетел шквальный ветер, и ветви закачались, зашумели, захлопали листьями. Шумела, пульсировала, вспененная страхом кровь. А, возможно, где-то пошел дождь и его шелест стал походить на далёкие аплодисменты.

Невидимый кукловод всё сильнее и нетерпеливее дергал за веревочку – вперёд! Взыв, волк закрыл глаза и прыгнул. Яркий свет расколол чёрное пространство над головой. На несколько мгновений его тело обрело невесомость и, прежде чем напороться на острые камни внизу пропасти, он несколько мгновений парил в воздухе словно птица.

И когда оболочка его агонизировала в ярких сполохах боли, открылось внезапно сверхвидение, и он – нет, не увидел, а осознал каким-то новым, вдруг проявившимся чувством, что находится на арене. И лес, казавшийся до этого бесконечным, и небо над ним были лишь декорациями, и всё сжалось вдруг до размеров сцены, на которую из тёмной бездны были устремлены жадные глаза зрителей. И он – нет, не услышал, но понял, благодаря тому же шестому чувству, что зрителям понравилось то, что они увидели. И боль исчезла, телесная оболочка растворилась, но он все ещё был жив и, как ни странно, мог слышать, как чей-то голос спросил: смерть или жизнь? И многоголосый хор ответил ему – жизнь! Жизнь...

5

Когда они снова оказались на улице, было парко и душно одновременно, как бывает после сильного дождя, внезапно пролившегося в жаркий день.

– Зачем только снимают такую муть? Зря только последние деньги на это дерьмо истратил, – вздохнул Хрякин. – Лучше бы на комедию сходили.

– Это называется интеллектуальное кино, – снисходительно пояснил Птахин. – Не для слабых умов. Поиск новых изобразительных средств. Смещение реальности и выдумки, переключки разных миров. Борьба, поединок – чтобы привлечь зрителей, это всегда интересно. Человек в шкуре животного. Или животное в человеке. Что пересилит – инстинкты или разум? Внутренняя борьба...

– Режиссёр Птахин расправляет крылья своей неуёмной фантазии, – насмешливо протянул Хрякин. – Слушайте и внимайте! Мэтр дает интервью!

– Помолчал бы, если ни хрена в искусстве не смыслишь, – обиделся Птахин.

– Кому нужно твое интеллектуальное кино в этой забытой богом дыре? На такое и в большом городе мало кто пойдет.

– Такие, как ты, точно не пойдут. Таким, как ты, только бы пожрать да поржать, – сказал Птахин. – Да Луи де Фюнеса посмотреть на закуску.

– Ладно вам, – примирительно произнесла Варвара. – Фильмы разные нужны, фильмы разные важны. И авторские, и комедии, в том числе, и Луи. Идёмте назад в гостиницу.

Сохраняя молчание, они поднялись по ступеням на свой этаж. Никого не было ни в холле, ни в коридоре. Навстречу попалась лишь горничная, которая катила перед собою тележку с бельём.

– Не хватало только, чтобы они сейчас начали уборку, – проворчал Хрякин. – И не отдохнёшь, пока не закончат пылесосить. Эх, лучше бы я утром на речку пошёл! Это вы меня потащили в этот кинотеатр.

– Никто тебя силой не тащил. Мы пошли, потому что... потому что... – Птахин замер на полуслове.

Поражённые внезапно одной и той же мыслью, все трое остановились перед дверью номера Птахины и некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Как же мы могли такое забыть?! – почему-то шепотом произнесла Варвара.

Птахин торопливо извлёк из кармана ключ и от волнения не сразу смог вставить его в замочную скважину.

– Да что ты копаешься? – возмутился Хрякин. – Открывай скорее!

В номере было убрано, постель Птахины застлана, стол чист.

– Деньги! Она украла наши деньги! – Закричал Птахин и пулей выскочил за дверь.

Хрякин и Варвара-Виолетта бросились следом. Но ни горничной, ни её тележки в коридоре уже не было.

Женщина, сидящая за столиком дежурной и листавшая журнал, оглянулась на громкий топот. И закричала от удивления и ужаса – ей показалось, что прямо на неё несутся огромный, неизвестно откуда взявшийся волк. И может быть, даже не один... Она зажмурилась и приготовилась к неминуемой смерти... но когда снова открыла глаза, в коридоре было пусто. Не было никого в коридоре.

Дежурная дрожащей рукой перекрестилась. Чего только не привидится под конец суточного дежурства! Нет, пора, пора уходить с этой работы, день отсидишь нормально, но не спать ночь в её возрасте уже просто опасно для здоровья.

6

Василина подняла глаза на хозяйку кабинета и тяжело вздохнула. Разговор шёл уже не первый час.

– Я же вам уже всё рассказала, – устало произнесла она. – Два раза.

А может быть и три, добавила мысленно, учитывая то, что многие вопросы повторялись, чередуясь с новыми.

– Вы могли что-то упустить. Какую-нибудь деталь, которая показалась вам неважной, а на самом деле имеет большое значение, – с холодной вежливостью ответила женщина. – А пересказывая, вдруг да вспомните что-то новое.

У неё были черные, гладко зачёсанные назад и собранные в жидкий пучок волосы, которые резко контрастировали с маленькими светлыми глазками. Из-за этих крашенных волос трудно было определить её возраст, но она явно была не моложе Лапотковой. Как же её зовут? В начале разговора назвала своё имя, но оно в памяти Василины почему-то не задержалось.

– Значит, вы видели их последний раз в холле гостиницы?

– Я уже говорила, что по утрам я всегда иду подышать, – устало начала в очередной раз Лапоткова. – Даже когда выезжаем на гастроли. Но в то утро начался сильный дождь, поэтому я осталась в гостинице, решила, что могу позавтракать и в гостиничном буфете, а не в кафе, как обычно. Вот, в холле всех их и встретила. То есть не всех вместе и сразу, а по очереди. Сначала Евсюкова побежала на улицу...

– Выбежала? Но ведь был сильный дождь, так?

– Ливень! Я ей ещё сказала, чтобы надо бы зонт взять, а она ответила, что зонта у неё нет, но идти недалеко, кинотеатр рядом.

– Рано утром в кинотеатр? Вы ничего не путаете? – в очередной раз попыталась сбить с толку Бабу-Ягу черноволосая.

– Не путаю! – снова начала сердиться Василина. – Это вы меня стараетесь запутать!

– Продолжайте, – словно не заметив её выпада, кивнула женщина.

– Потом спустился с лестницы Вовка, то есть Хрякин, а за ним следом Птахин, и оба тоже выскочили на улицу.

– И вы их после этого уже не видели?

– Не видела. Потому что мы в тот день не играли, выходной у нас был. А потом оказалось, что их найти не могут, и спектакль на следующий день отменили.

– А больше ничего вы не хотите рассказать? – помолчав, тихо, но, как показалось Лапотковой, с угрозой спросила черноволосая.

Василина немного подумала, морща лоб, и пытаясь выудить из памяти какие-нибудь новые подробности того злосчастного утра. Но ничего нового, увы, не припоминалось. Мелькали какие-то картинки, но к реальным событиям они никакого отношения не имели.

– Я рассказала всё, всё, как было.

– А как вы тогда объясните вот это? – Голос хозяйки кабинета стал неожиданно фальшиво-ласковым. – Что это?

Следователь положила перед Лапотковой её блокнот. Раскрытый посередине. Как раз там, где обрывались записи. Кровь бросилась Василине в лицо. Нет, какая наглость! Пока она сидит здесь и пытается изо всех сил помочь следствию, к ней идут в номер и, не спросив, шарят везде в поисках каких-то несуществующих улик! Неужели они всерьёз думают, что Василина Лапоткова и в самом деле каким-то образом причастна к этому происшествию?

– Это блокнот.

– Это записи...

– Это рукопись моего нового рассказа.

– Вы описываете исчезновение трёх артистов кукольного театра, прибывших на гастроли в наш город. Очень странное исчезновение.

– Это всего лишь рассказ.

– Но имена там фигурируют реальные, – почти торжествующе провозгласила черноволосая. – И по странному совпадению, имена тех людей, которые исчезли!

– Понимаете, – попыталась объяснить Василина, – мне легче писать, когда я имею перед глазами кого-то из знакомых... ну, в качестве прототипа, что ли. Но всё то, что с ними происходит, это уже сплошная выдумка. Вы же не станете утверждать, что то, что здесь написано, может быть правдой? Разве не видите, что это фантастический рассказ?

– Рассказ может и фантастический, – кивнула хозяйка кабинета, – и всё, что в нём описано, это всего лишь выдумка, но почему-то там слишком много реальных фактов. Например, ограбление. Вы слышали об ограблении сахарного завода?

– А кассу, что, действительно ограбили? – похолодев, едва слышно произнесла Василина.

– Разве я сказала – кассу? – Женщина торжествующе улыбнулась и впиалась в неё взглядом. – Выходит, это вам известно? Откуда у вас эта информация? Кто вам это сообщил?

Василина испуганно пожала плечами. Если снова сказать, что она всё это придумала, ей вряд ли поверят.

– В буфете слышала, – пробормотала она.

– В каком буфете? – Следователь подалась вперед, продолжая гипнотизировать Лапоткову пронизывающим взглядом. – В буфете гостиницы? От кого?

– Откуда мне знать? Какие-то посетители говорили об этом, – беспомощно соврала Василина. – Сидели за соседним столиком.

Женщина откинулась на спинку стула, её глаза сузились в хищном прищуре.

– Мы опросили персонал. Не считая приходящей уборщицы, в то утро там побывало лишь два человека. Забегал мужчина, по описанию похожий на одного из пропавших, он покупал пиво и бутерброды, и вы. Вы заказали овсянку, правильно?

– Утром я всегда ем овсянку, – кивнула Василина, лихорадочно соображая, что ещё может быть известно следователю.

– Так что же в то утро произошло на самом деле? – после долгой паузы последовал новый вопрос.

– Но я ведь всё, что знала, уже рассказала!

Женщина помолчала, глядя куда-то вверх головы Лапотковой.

– Ладно, можете не отвечать, если не хотите. Но рано или поздно придётся рассказать правду. А что вы знаете о пропавших?

Что она знает? Да не очень много.

– Мы как-то тесно не общались. Понимаете, я намного старше, молодым со мной неинтересно.

– Ну, а всё-таки?

– Да все они нормальные, в театре работают давно. Во всяком случае, когда я туда пришла, они уже там работали.

– Может быть, вы случайно знаете кого-то из их знакомых или родственников?

– Откуда? – пожала плечами Баба-Яга. – Мы только в театре и встречались.

– О их семьях вам ничего не известно?

О семьях?

– Евсюкова живет одна, – припомнила Василина. – Квартиру снимает, она откуда-то издалека, с юга, кажется. Не замужем. Птахин живёт с матерью, а Хрякин – в общежитии театрального училища, а вот откуда он родом, я не знаю.

Помолчав, женщина за столом кивнула.

– Ладно. На сегодня всё.

– Отдайте блокнот, – тихо попросила Василина.

– А вот ваши записи мы пока оставим у себя. На некоторое время, до выяснения обстоятельств таинственного исчезновения артистов, – сказала черноволосая.

– Пожалуйста, это очень важно для меня...

– Пока идёт следствие – нельзя, – отрезала хозяйка кабинета. – Вы наш главный свидетель и всё, что касается этого дела, останется здесь до полного прояснения ситуации.

Она протянула руку, взяла блокнот и сунула его под лежавшую сбоку от неё картонную папку. После чего, склонившись над столом, начала что-то быстро строчить на бланке. И ведь, в самом деле, ни за что теперь не отдаст, дошло до Лапотковой, да ещё и на основании всего, что там написано, в камеру посадит, снова допрашивать будет, а как ей объяснить необъяснимое? Василина живо представила, во что всё это может вылиться и ей стало плохо. Физически плохо, так плохо, что она едва не сползла со стула и, не сдержавшись, громко охнула. Женщина прекратила писать, оторвалась от своей бумаги и с подозрением взглянула на Лапоткову.

– Что такое? Что с вами?

– Что-то мне дурно, – почти прошептала Василина.

У неё и в самом деле начала кружиться голова. Она вдруг странным образом увидела себя со стороны, и это выпадение из собственного тела так испугало её, что она даже прикрыла глаза, чтобы избавиться от наваждения.

– Вызвать врача? Вам нужна помощь?

Помощь Лапотковой была нужна, но не лечебная.

– Нет... со мной такое случается, – помолчав, произнесла она уже не своим, а каким-то чужим, слегка каркающим голосом. – Небольшие проблемы с сердцем. Возраст, знаете ли... Можно воды?

С грохотом отодвинув тяжёлый стул, женщина поднялась из-за стола и направилась к окну, где на подоконнике, на круглом стеклянном подносе стоял графин с водой и два стакана. Наполнив один из них, она поднесла его свидетельнице.

– У меня лекарства в гостинице, – отпив несколько глотков, сказала Баба-Яга. – Приму, полежу, всё и пройдет.

Вид у неё был действительно совершенно больной. Она вдруг как будто ещё больше усохла и значительно постарела.

– Ладно, – поколебавшись, произнесла следователь, окинув взглядом жалкую тощую фигуру. – Возвращайтесь пока в гостиницу. Но, боюсь, скоро придётся вас снова побеспокоить.

Баба-Яга не стала ждать повторного приглашения покинуть помещение и быстренько пошаркала к двери. А в длинном сумрачном коридоре едва не натолкнулась на Лилию Толстуну, которую, похоже, тоже вызвали на допрос. К счастью, та разговаривала с дежурным милиционером и на Лапоткову внимания не обратила. «Кысь-брысь, тем, что знаешь, не делись!» – прошмыгнув у неё за спиной, пробормотала Баба-Яга. Значит, теперь всю трупшу сюда поочерёдно пригласят, есть над чем подумать...

Выйдя на улицу, она повернула за угол и на мгновение приостановилась, соображая, в какую сторону ей идти, чтобы побыстрее добраться до гостиницы.

– Думаю, что мне удалось ухватиться за ниточку, – услышала она вдруг знакомый голос и вздрогнула от неожиданности. – Похоже, вся эта компания связана с ограблением. Я уже сделала запрос по поводу этих кукольников, посмотрим, что ответят.

Василина оглянулась по сторонам, не сразу поняв, что голос её недавней собеседницы звучит у неё над головой. Сообразив, прижалась к стене, хотя этого можно было и не делать. Кабинет был на первом этаже, но окно располагалось довольно высоко над землей и, к тому же, было зарешечено, так что высунуть из него голову, и увидеть стоящую под окном свидетельницу Лапоткову было практически невозможно.

– Зачем ты позволила ей уйти? – спросил мужской голос. – В изолятор её.

– А если ей действительно плохо, а там станет ещё хуже и придётся вызывать скорую? Или она там вообще копыта отбросит? Представляешь, какой шум по этому поводу поднимется? Бедную старуху замордовали без суда и следствия! Нет уж, пусть идёт в свою гостиницу и там сама лечится.

– Не такая уж она и старуха, если судить по дате рождения, что там у тебя записана.

– Какая разница? По виду ей все сто можно дать! – раздражённо ответила женщина. – Доходяга какая-то, настоящее пугало, хоть в огород ставь. Нет, я правильно сделала, что отпустила её. Куда она денется? Надо будет, завтра снова вызовем.

Баба-Яга почти рассердилась. Уже не первый раз слышала она это обидное прозвище. Она, что, действительно так похожа на огородное чучело?

– Нет, не похоже, что какие-то кукольники в этом замешаны, – после некоторого молчания произнес мужской голос. – Для этого слишком многое нужно предварительно разузнать. Время, когда привозят деньги, место... как-то не состыковывается всё это.

– Если я ошибаюсь, откуда тогда эта тётка знает все подробности? Нет, все-таки они имеют к этому отношение. Но вот какое и каким образом?

– Мне тоже хотелось бы знать ответ на этот вопрос.

– Узнаем. Рано или поздно, это пугало нам всё расскажет. Да и другие кукольники что-нибудь да сообщат.

«Пугало» осторожно отлепилось от стены и медленным шагом двинулось в сторону гостиницы. Хотя следовало просто бежать. Потому что Бабе-Яге уже был известен ответ на вопрос, над которым ломали головы те двое за толстой стеной. И именно поэтому надо было торопиться.

Хорошо, что Лапоткова какая-никакая, а актриса, да ещё и в возрасте, иначе плохо было бы дело. Могли бы её и не выпустить. И тогда... Со стороны такое совпадение – кража денег на местном молокозаводе и исчезновение нескольких актеров кукольного театра, о чём Игорь Иванович лично сообщил в милицию, – действительно выглядело подозрительно. Соответствующий вывод сам собой напрашивался. Ничего криминального никто из артистов кукольного театра не совершал, но доказать это в данный момент практически невозможно, несмотря на то, что все факты у неё на руках. Точнее, у неё в руках. Да, кое-что сделать пока ещё в её силах, но нужно спешить. Если не поторопиться, вполне могут упечь за решетку и её, и пропавших на время актёров, после чего выправить ситуацию будет сложнее. Времени для исправления возникшего недоразумения у неё очень мало. Мало, но всё-таки оно есть.

Но неужели она и впрямь похожа на пугало? Ей-то казалось, что у неё пока ещё довольно приятное, – в крайнем случае, не отталкивающее, – лицо и она, к тому же, в отличие от многих дам зрелого возраста, очень даже стройна. А сейчас некоторая аскетичность женского образа снова в моде. Как когда-то в средние века...

Войдя в холл гостиницы, Баба-Яга приостановилась у огромного зеркала, которое с готовностью отразило худую фигуру, одетую в блеклой расцветки ситцевый костюм-балахон. Образ дополняла вязаная торба-самоделка на плече. Жёсткие волосы торчали в разные стороны. Уж как только Лапоткова ни стригла их, как ни укладывала, – не поддавались. Баба-Яга поймала упавшую на глаза непокорную прядь и заложила её за ухо. После чего, внезапно ухмыльнувшись, подмигнула отражению. Держись, Василина. Ты хотя и дама не первой свежести, но вполне ещё ничего... Главное, мозги на месте.

Она уже шла к себе в номер, когда позади неё послышались возбужденные голоса. И не оглядываясь, она знала, кому они принадлежат.

– Нет, ты только представь, она утверждает, что видела волка! – сказала касса.

– Уволить её давно надо было к чёртовой матери, – сурово произнесла ажурная кофточка. – Она и раньше-то приходила не всегда трезвая, а сейчас прямо на работе напилась. Волки ей мерещатся! А у нас там ценного имущества сколько!

Баба-Яга замедлила шаг, а потом и совсем остановилась. Нет, в номер ей, пожалуй, идти не стоит. Чего только не случается в старинной гостинице в жаркие дни. Кого-то преследуют волки, а кого-то милиция.

Она оглянулась. Да, засесть в номере не лучшее решение. Мало ли что. Вдруг следовательница передумает и пошлёт за ней прямо сейчас? Но где же тогда укрыться? Не в парк же идти...

Весело смеясь, двое мужчин с красными лицами вышли из двери в другом конце холла. Буфет! Она посидит в буфете, вот что она сделает. Туда в это время редко кто заглядывает, значит, никто не будет ей мешать. Побывать пару часов в тихом и спокойном месте, это именно то, что ей сейчас нужно. Она пересекла холл, потянула на себя ручку, и большая тяжёлая дверь отсекала её от опасной зоны.

За стойкой оказалась уже знакомая рыжеволосая девушка, которая радостно, как старую знакомую, поприветствовала её и так же радостно сообщила, что только что поступили свежие пирожные. Баба-Яга посмотрела на ряд бутылок за спиной девушки, на неаппетитные сладости в стеклянных вазочках в витрине и согласилась на пирожное. И кофе, пожалуй. Она не хотела ни кофе, ни пирожного, она этого не любила, но не сидеть же здесь просто так, это могло показаться девушке подозрительным. Пройдя в самый конец зала, заняла дальний столик у окна, тот самый, за которым сидела раньше. Отхлебнув из чашки, куснула пирожное и, бросив быстрый взгляд в сторону девушки, вытащила из-под просторной кофточки блокнот, украденный со стола следовательницы. Раскрыла его на нужной странице, нащарила в сумке шариковую ручку и, склонив голову, начала торопливо выводить какие-то каракули.

7

В дверь осторожно постучали.

Лежавший в постели мужчина открыл глаза, непонимающим взглядом обвёл стены комнаты и сел на кровати. Стук повторился, на этот раз громче и настойчивее.

– Вадим Петрович!

Недовольно засопев, мужчина поднялся, пересёк комнату и открыл дверь. За дверью стояла его верная помощница, его память ходячая, ассистент Нина со встревоженным выражением на кукольном личике.

– С вами все в порядке?

– Что может быть со мною не в порядке? – с лёгким раздражением произнёс он.

– Дежурная сказала, что вы просили разбудить вас в шесть часов, – извиняющимся тоном объяснила Нина. – Она звонила несколько раз, но никто в номере не брал трубку. И она не видела, чтобы вы из номера выходили, вот и заволновалась. Сказала, что у них тут недавно один постоялец от инфаркта помер... ой, простите!

– Да спал я, просто спал! – ещё более недовольно ответил Вадим Петрович и взглянул на часы. – Впрочем, – смягчился, – и в самом деле, пора вставать. Спасибо, что разбудили. А теперь идите, идите, мне нужно принять душ, одеться.

Он прикрыл за отступившей Ниной дверь, потянулся, зевнул, обвел взглядом комнату и вдруг замер, так и не опустив поднятых вверх рук. Ему показалось, что он уже переживал этот момент. Дежавю, пробормотал он, опустил руки и направился в ванную. И не дойдя, снова огляделся. Что-то знакомое было в этих стенах. Он нахмурился, остановился посреди комнаты и, глядя на висюльчатую люстру в центре потолка, некоторое время морщил лоб, припоминая. «Ну конечно же! – пробормотал через несколько мгновений. – Я уже жил в этой комнате! Останавливался когда-то в этой гостинице!» И пожал плечами, словно удивляясь, что сразу не увидел этого и не вспомнил. Впрочем, заселялся ночью, устал с дороги, было не до того, чтобы интерьеры разглядывать. Но сейчас ясно стало, что здесь он уже бывал. Только когда? Он снова огляделся. Подошёл к окну и, отодвинув портьеру, взглянул в улицу. Базарчик, кинотеатр... Лет тридцать назад, если не больше, прошло. Точно. Был он здесь, был, в самом начале своей карьеры. Впрочем, тогда слово «карьер» и молодой, и надо сказать, ещё довольно глупый артист кукольного театра были абсолютно несовместимы.

И, тем не менее, именно здесь в заштатном провинциальном городке она и началась, его карьера. Больше того, она началась именно в этой комнате, как ни странно. Именно сюда, узнав, что в городе гастролируют кукольники, явилась неприглядного, невыразительного вида женщина, – таких часто берут себе в помощники известные режиссёры, – чтобы пригласить на съёмки пару-тройку человек. Это было приключение, фантастическая неожиданность, поджидавшая их в таком невероятном месте, как этот городишко, где ничего не менялось, наверное, со времен царя Гороха. Кажется, их пригласили всего на один эпизод. И потому, что они на радостях тогда после съёмок много выпили, – пропивали нежданно-негаданно упавшие с неба деньги, – он толком не запомнил ни места, где снимался, ни самой работы, ни людей на съёмочной площадке. Что за эпизод он тоже сейчас не мог вспомнить. Скорее всего, это была массовка, в каких он, пытаясь подзаработать, участвовал бесчисленное множество раз. И фильма он почему-то так и не увидел. Сначала собирался, но то ему что-то мешало, то просто времени не было, а потом он просто-напросто о нём забыл. Потому что именно после того эпизода он, наконец, решился уйти из кукольного. Тем же летом поехал в столицу, несмотря на матушкины уверения, что там его не ждут. Как оказалось, поехал не зря. Уже через год толкотни в массовках, ему предложили довольно заметную роль в одном посредственном фильме, которую он сыграл очень даже хорошо, после чего приглашения от режиссёров внезапно посыпались как

из рога изобилия. Сначала на роли второго плана, а потом и на более интересные. Но что был за фильм, в котором он снимался здесь? Сколько Вадим Петрович ни морщил лоб, сколько ни напрягал свою память, припомнить названия не мог. Впрочем, это, в конце концов, неважно, махнул рукой. Важно то, что он состоялся как актёр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.